

Подписывайтесь на
наши социальные сети

**The Ticklish
Subject
The Absent Centre of
Political Ontology**

Slavoj Žižek

**Щекотливый
субъект
Отсутствующий
центр политической
онтологии**

Славой Жижек

Перевод с английского Софьи Щукиной

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 32
ББК 66.0
Ж70

SLAVOJ ŽIŽEK
THE TICKLISH SUBJECT
The Absent Centre of Political Ontology

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Печатается с разрешения Verso, London
All rights reserved

2-е издание, исправленное и дополненное

Автор предисловия *А. В. Павлов*

Жижек, Славой.

Ж70 Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии / Славой Жижек ; [перевод с английского С. Б. Щукиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 544 с.

ISBN 978-5-17-161425-6

«Щекотливый субъект» — одна из первых базовых книг всемирно известного философа Славоя Жижека. В ней автор показывает, как лакановское понятие субъекта может применяться к сфере политики, как субъект функционирует в социальной сфере, а также в своей острой критике проходит по философии Маркса, Гегеля, Фрейда, Канта, Хайдеггера, Деррида, Батлера, Бадью, Лакло, Рансьера, Балибара и других ключевых фигур интеллектуального горизонта.

«Щекотливый субъект» — одно из тех исследований, по которому будут судить о философии XXI века, будущая «новая классика» и одна из важнейших интеллектуальных работ своего времени.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 978-5-17-161425-6

© Slavoj Žižek 1999
© С. Б. Щукина, перевод, 2023
© Оформление, ООО
«Издательство АСТ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Практическая теоретическая философия Славоя Жижека	7
Предисловие к новому изданию. Почему Лакан не хайдеггерианец?	14
ВВЕДЕНИЕ. Призрак бродит по западной Академии.	29

ЧАСТЬ I. «МИРОВАЯ НОЧЬ»

ГЛАВА 1. Тупик трансцендентального воображения, или Мартин Хайдеггер как читатель Канта	39
Политическое (не)участие Хайдеггера	41
Почему «Бытие и время» осталось незавершенным?	57
Неприятности с трансцендентальным воображением	65
Переход через безумие	73
Насилие воображения	83
Необычайное/Чудовищное	89
Кант с Дэвидом Линчем	95
Акосмизм Канта	107
ГЛАВА 2. Гегельянский щекотливый субъект	116
Что такое «Отрицание отрицания»?	116
Диалектический анаморфоз	124
3, 4, 5	128
Спекулятивное тождество субстанции и субъекта	139
Гегельянский принудительный выбор	144
«Конкретная всеобщность»	156
«Чем ничего не хотеть. . .»	163
«Включите меня отсюда!»	170
К материалистической теории благодати	176

ЧАСТЬ II. РАСКОЛОТАЯ ВСЕОБЩНОСТЬ

ГЛАВА 3. Политика истины, или Ален Бадью как читатель святого Павла	187
Событие-Истина.	189
. . . и его неразрешимость	198
Истина и идеология	206
Святой Павел с Бадью	211
Между двумя смертями	220
Лакановский субъект	228
Господин или аналитик?	235

ГЛАВА 4. Превратности политической субъективации	243
Бадью, Балибар, Рансьер	243
Гегемония и ее симптомы	248
Вхождение субъекта	259
Почему правящие идеи — это не идеи тех, кто правит?	262
Политическое и его отрицания	266
(Зло)употребления явления/видимости	273
Постполитика	282
Прогрессивный европоцентризм?	292
Три всеобщности	303
Мультикультурализм	307
За левую приостановку Закона	315
Двусмысленность экскрементальной идентификации	326
Принятие действия	330

ЧАСТЬ III. ОТ ПОДЧИНЕНИЯ К СУБЪЕКТИВНОМУ ОПУСТОШЕНИЮ

ГЛАВА 5. Страстные (не)привязанности, или Джудит Батлер как читатель Фрейда	343
Почему извращение — это не ниспровержение	343
Идеологическая интерпелляция	357
От сопротивления к действию	361
«Преодоление фантазии»	367
Меланхолическое двойное послание	374
Реальное полового различия	379
Мазохистский обман	389
От желания к влечению.. и обратно	404
ГЛАВА 6. А что с Эдипом?	428
Три отца	428
Упадок символической действенности	441
Общество риска и его враги	459
Недовольство обществом риска	468
Глупыш, это же политическая экономия!	477
Возвращения в Реальное	495
Пустой Закон	503
От фаллоса к действию	510
По ту сторону добра	523

ПРАКТИЧЕСКАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ СЛАВОЯ ЖИЖЕКА

«Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии» — первая книга Славоя Жижека, которая публикуется в авторской серии в рамках проекта «Лёд», и, конечно, не последняя. Но начать (пере)издавать Жижека нужно было именно с «Щекотливого субъекта». Данная фундаментальная работа уже выходила на русском языке, как и многие другие труды словенского философа. На русском «Щекотливый субъект» вышел ровно десять лет назад, то есть в 2014 году. Тираж книги уже давно распродан, а букинисты просят за «Щекотливый субъект» от трех тысяч рублей, если смотреть первые ссылки в поисковой выдаче — надо признать, довольно кусачая цена за Жижека, пусть и за весьма увесистый том. И хотя классический труд Славоя Жижека скорее стоит запрашиваемых букинистами денег, чем нет, новое официальное издание предлагает потенциальным читателям более демократичную цену. Теперь, с выходом нового издания в символический, то есть юбилейный для публикации русского перевода книги год, мы можем задаться вопросом, не устарел ли вообще текст Славоя Жижека и не тонет ли он в других его многочисленных переводах на русский? Ответ, разумеется, отрицательный — не устарел и не тонет. Но мы должны ответить на вопрос, почему.

Лассе Томассен, на момент выхода «Щекотливого субъекта» бывший аспирантом в центре, которым руководил Эрнесто Лаклау (а именно Лаклау начал продвигать Жижека в англоязычном мире еще с конца 1980-х годов), в положительной рецензии на книгу вынужден был отметить, что текст все же не слишком систематический, как того обещал блерб на обложке¹. Надо сказать, что это был 1999 год, и Жижек еще не обрел той степени известности, которая пришла к нему немного позже. Это означает, что он чуть более ответственно относился к своим книгам, чем стал это делать позднее. Иными словами, «Щекотливый субъект» — продуманное и последовательное академическое исследова-

¹ *Thomassen L.* The Politics of Lack. A review of Slavoj Žižek, *The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology*. London: Verso, 1999. // *Postmodern Culture*. 2001. Vol. 11. № 3.

ние, а не произвольно составленный из колонок текст. Также это означает, что в сравнении с поздними работами Жижека «Щекотливый субъект» — образец систематического изложения темы. Но в 1999 году, по крайней мере Томассену, так не казалось. Этот момент очень важен для понимания книги и вообще философии (не только в социально-политическом аспекте) Жижека.

В 1992 году социолог Зигмунт Бауман — в тот момент, когда он был очарован идеей постмодерна, — в эссе «Законодатели и толкователи» разделил интеллектуалов на две указанные категории¹. По словам Баумана, времена законодателей, то есть мыслителей, объясняющих мир строго в соответствии с выстроенными ими философскими системами (например, Кант, Гегель или Гуссерль), прошли, и настали времена толкователей, то есть тех, кто, например, не вписывает события в изобретенные ими системы, но интерпретирует их, поясняя истинный смысл происходящего или произошедшего. Мы можем сказать, что Славой Жижек — определенно интеллектуал-толкователь. Однако очень часто он выступает как «законодательствующий толкователь», то есть многие вещи Жижек интерпретирует через законодательную систему французского психоаналитика Жака Лакана. Кроме того, на момент выхода «Щекотливого субъекта» статус интеллектуала-законодателя все еще был очень весомым, и поэтому Жижек писал книгу на «законодательную» тему и насколько мог «законодательным образом». Тем самым мы можем охарактеризовать «Щекотливый субъект» как законодательную книгу, написанную толкователем. Что это означает, ясно из основного тезиса и содержания работы.

Славой Жижек заходит в этой книге на территорию онтологии, то есть теоретической философии, которая, впрочем, чаще всего рассматривается им в практическом аспекте: автор пытается приложить философию Лакана к политике и сформулировать лаканианскую политическую теорию. Фактически Жижек начинает книгу с резкой критики постмодернизма. Философ артикулирует свой протест против «постмодернистской» критики субъекта и утверждает необходимость переосмысления данной философской категории. Прилагательное «постмодернистский» взято в кавычки

¹ Бауман З. Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас. 2003. № 1.

потому, что философская критика субъекта была не только у Мишеля Фуко, которого с оговорками можно было бы отнести к постмодерну, но и у Луи Альтюссера, которого сложно назвать представителем постмодерна. Кроме того, в случае такого термина, как «постмодерн», всегда нужно уточнять, что имеется в виду, так как это слово имеет много значений, даже в контексте философской критики субъекта. В конце концов, несмотря на критику «постмодерна», даже Славой Жижек для некоторых является «постмодернистом»: «По крайней мере, с точки зрения формы, если не содержания, Жижека можно считать убежденным постмодернистом, и временами кажется, что сам Жижек поощрял такое прочтение своей работы»¹. Как бы то ни было, Жижек заявляет, что современная философия и политическая теория нуждаются в переосмыслении понятия субъекта, которое учитывало бы классические философские традиции и современные психоаналитические и политические теории. Очевидно, ключевой философской точкой, с которой следовало начать теоретические рассуждения, было декартовское понятие субъекта.

Три части объемной книги посвящены критике конкретной концепции субъекта — концепции субъекта в немецком идеализме, концепции субъекта во французской постальтюссеровской политической философии, концепции деконструктивистского и многоспектрального субъекта, предложенной Джудит Батлер. Каждую часть Жижек начинает с прочтения критики традиционного декартовского понятия субъекта у Мартина Хайдеггера, Алена Бадью и Джудит Батлер. В качестве альтернативы этим позициям Жижек формулирует лакановское понятие субъекта. Лакановское прочтение декартовского субъекта Жижеком означало то, что «этот субъект, (печально) знаменитое *cogito*, по существу является субъектом бессознательного, а не сознания»². Чтобы пояснить свою позицию, Жижек предлагает различать категории «онтологического» и «онтического». В случае с онтологическим мы пытаемся помыслить, как что-то возможно, то есть говорим об условиях и границах того, что существует, а с помощью онтического мы задаемся вопросом о том, что

¹ Homer S. Slavoj Žižek and Radical Politics. New York — London: Routledge, 2016. P. 12.

² Bar-El E. How Slavoj Became Žižek. The Digital Making of a Public Intellectual. Chicago: University of Chicago Press, 2023. P. 99.

именно существует. По мнению Жижека, онтическое не может быть выведено из онтологического, так как они соотносятся как содержание и форма. Если выражать эту мысль на языке практической философии, то можно сказать, что не существует конкретного сообщества, которое выражало бы структуру сообщества как таковую. Именно отсюда, считает Жижек, проистекает фундаментальная ошибка Мартина Хайдеггера, искавшего связь между онтологическим (структурой социального бытия вообще) и конкретным онтическим бытием (национал-социалистическим государством). Поскольку, с точки зрения Жижека, онтическое не выводится из онтологического, между ними существует пропасть. Может ли эта пропасть быть преодолена?

Именно здесь на помощь приходит лакановское понятие субъекта. В теории Лакана наблюдается нехватка субъекта, которую мы обнаруживаем в любой символической структуре. Нехватку в данном случае можно считать аналогией пропасти между онтологическим и онтическим, чем-то ускользающим от символической структуры, что не может быть объяснено этой структурой. В случае с символическими структурами, которые используются в том числе для описания социальных отношений, нехватка конституирует социальную жизнь. Попытки «заполнить» этот пробел, навести мост через пропасть, всегда будут терпеть неудачу — например, когда социальная структура принимает решение избавиться от конкретной группы, чтобы достичь желаемой гармонии, ничего не выйдет. Нехватка будет существовать всегда. По мнению Славоя Жижека, субъект находится именно в той точке, где и могло бы произойти восполнение нехватки; субъект сам по себе конституируется этой нехваткой. Поэтому субъект — это постоянные, но всегда неудачные попытки конституирования субъекта.

Каковы практические следствия из этой онтологии?

Для их понимания обратимся к термину «подлинный акт» (*the authentic act*), который означает признание того, что он не может быть обоснован символической системой. Подлинный акт есть открытое признание нехватки, что от универсальной и последовательной символической системы всегда что-то ускользает. В отличие от подлинного акта, «псевдоакт» пытается скрыть это понимание. Чтобы проиллюстрировать этот тезис, Жижек сравнивает нацизм

и коммунизм. Философ считает нацизм 1930-х и 1940-х годов псевдоактом, а революцию 1917 года и последующее развитие коммунизма — подлинным актом. Нацизм стремился восстановить целостность, а коммунизм, признавая, что никогда не сможет установить полную целостность, должен был постоянно развиваться. Тем самым подлинный акт признает, что субъекта нельзя вывести из тотальной и связанной символической структуры и свести его к ней, поэтому он антитоталитарен.

Переходя к еще более практическим выводам, Жижек приступает к критике современности. Раз уж мы живем при капитализме, политика должна учитывать капиталистические структуры, лежащие в основе нынешней социальной жизни. Проблема в том, что теории и политика постмодернизма, мультикультурализма не ставят под сомнение фундаментальные структуры современного общества. Вместо этого, считает Жижек, они сосредотачиваются на том, что является всего лишь последствиями развития капитализма — на культурной идентичности и экологических рисках. Капитализм способен существовать и все больше глобализироваться именно благодаря тому, что он прячется за культурной и национальной спецификой. Таким образом, сутью левой антикапиталистической политики не может быть признание и утверждение культурного разнообразия и борьба с экологическими рисками. Жижек настаивал, что левая политика должна была поставить под сомнение сами структуры, лежащие в основе этих явлений. При этом, как это ретроспективно сформулировал автор интеллектуальной биографии философа Элиран Бар-Эль, «Жижек не был против мультикультурализма или прав человека, скорее, он утверждал, что они не могут быть основой для глобального левого антикапиталистического проекта»¹. Так, переосмысливая понятие субъекта, Жижек пытался повлиять на политику левых и культуру в целом.

Все, изложенное выше, касается основного тезиса «Щекотливого субъекта», который, конечно, извлекается из текста Жижека с трудом, так как материал традиционно разбавлен большими отступлениями, перескакиванием с мысли на мысль и обильными иллюстрациями идей, взятых из

¹ Bar-El E. How Slavoj Became Žižek. The Digital Making of a Public Intellectual. Chicago: University of Chicago Press, 2023. P. 99.

массовой культуры, особенно из кинематографа — начиная с любимого Жижеком Дэвида Линча и заканчивая комедией «Маска» с Джимом Керри. Вместе с тем, мы должны выйти за пределы содержания книги, чтобы лучше понять ее значение для истории философии и политической теории. Дело в том, что контекстно политическая онтология Жижека вписывается в один из двух философских подходов к радикальной демократии, важной темой политической философии рубежа тысячелетий — «онтологию нехватки», которую представляют лаканианцы Эрнесто Лаклау, Яннис Ставракакис и Славой Жижек¹. Второй подход, вдохновленный работами Жюль Делёза, является своеобразной реакцией на первый, и это «онтология избытка», которая подчеркивает сети материальности, потоки энергии, процессы становления и экспериментирования со способами утверждения социальной жизни. В его рамках работают Джейн Беннетт, Уильям Коннолли, Пол Паттон и Нейтан Уиддер. С точки зрения «онтологии избытка» лаканианцы находятся в плену у призрака структурализма — они не ценят сложность и глубину социальной жизни. Теоретики этого подхода к радикальной демократии указывают на потенциал избытка, когда речь идет о расширении возможностей альтернативных способов жизни².

Однако подход сторонников «онтологии нехватки» не был исключительно негативным. Они не только критиковали скрывающие нехватку националистические дискурсы, которые конструировали сущность национального сообщества, тем самым подавляя присущую ему случайность. Теоретики нехватки также стремились сформулировать левые альтернативы, даже если те в конечном счете дестабилизи-

¹ При этом позиции сторонников «онтологии нехватки» могли различаться как в философии, так и в политике. Так, марксист Алекс Каллиникос характеризует политическую позицию Эрнесто Лаклау как «левый либерализм», а Славой Жижека — как «революционный социализм». Подробнее см.: *Callinicos A. The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology. Slavoj Žižek. London: Verso, 1999 / Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left. Judith Butler, Ernesto Laclau, Slavoj Žižek. London: Verso, 2000 // Historical Materialism. 2001. Vol. 8. № 1. P. 373–403.*

² *Tønder L., Thomassen L. Introduction: rethinking radical democracy between abundance and lack // Radical democracy: Politics between abundance and lack / Tønder L., Thomassen L. (eds.). Manchester — New York: Manchester University Press, 2005. P. 6–7.*

ровались нехваткой, лежащей в их основе¹. В общем, настоящая книга Славоя Жижека выгодно выделяется в его обильном творческом наследии, она не утратила ни своей актуальности, ни своего значения, и, конечно, ее должен прочитать любой специалист, который занимается современной континентальной философией и политической теорией.

*Александр Павлов, д. филос. н.,
профессор, руководитель Школы
философии и культурологии факультета
гуманитарных наук Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»;
ведущий научный сотрудник,
руководитель сектора социальной
философии Института философии РАН*

¹ *Coles R.* The wild patience of radical democracy: beyond Žižek's lack // *Tønder L., Thomassen L.* Introduction: rethinking radical democracy between abundance and lack // *Radical democracy: Politics between abundance and lack* / *Tønder L., Thomassen L.* (eds.). Manchester — New York: Manchester University Press, 2005.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ ИЗДАНИЮ. ПОЧЕМУ ЛАКАН НЕ ХАЙДЕГГЕРИАНЕЦ?

В центре внимания «Щекотливого субъекта» находится утверждение картезианской субъективности. Одним из главных философских критиков субъективности был Мартин Хайдеггер, работы которого были крайне важны для Лакана по крайней мере в 1950-х. Поэтому важно прояснить отношение Лакана к Хайдеггеру, в частности его постепенный отход от признания хайдеггеровской критики картезианского *cogito* как разновидности фрейдовской «децентрации» субъекта и парадоксальный и неожиданный переход к признанию *cogito* субъектом бессознательного.

Отправной точкой Лакана служит фрейдовское понятие изначального *Bejahung*, принятия, противопоставляемого *Verwerfung*, отвержению. Лакан прочитывает *Bejahung* как изначальную символизацию, опираясь на хайдеггеровское понятие сущности языка как раскрытия бытия. Сталкиваясь с чем-то, что явно противоречит нашим глубинным убеждениям, мы можем отреагировать на это двояко: либо просто грубо отвергнуть это, либо возвести его в «возвышенную» форму, превратив во что-то, что не следует понимать буквально, что служит выражением более глубокой/высокой истины. Мы можем, например, либо отвергнуть саму идею существования ада (реального места, где грешники подвергаются бесконечным страданиям в наказание за свои дурные поступки), либо сказать, что ад — это метафора «внутренних переживаний», которые мы испытываем, совершив что-то дурное. Вспомним известное итальянское выражение «*se non è vero, è ben trovato*» — «даже если это не так, все равно хорошо придумано» или, иначе говоря, «если это не правда, то должно ею быть».

В этом смысле истории о знаменитостях, даже когда они оказываются апокрифическими, часто характеризуют их личность точнее, чем перечисление их реальных качеств. В этом случае также «истина обладает структурой вымысла», согласно известному выражению Лакана. У этого выражения есть прекрасная в своей непристойности сербскохорватская версия,

которая очень точно передает протопсихотическое отвержение символического вымысла: «*se non è vero, jebem ti mater!*» «*Jebem ti mater*» (произносится как «ебем ти матер», а в английском переводе выглядит как «I'll fuck your mother») — это одно из самых часто встречающихся вульгарных ругательств; шутка, конечно, состоит в точном совпадении размера «*è ben trovato*» и «*jebem ti mater*» — обе фразы имеют одинаковое число слогов с ударениями в одинаковых местах. Это гневное восклицание с инцестуозными нотками, нападающее на наиболее интимный примордиальный объект другого: «Лучше бы это было правдой, потому что иначе я отымею твою мать!» Обе версии явно выражают две реакции на то, что в буквальном смысле оказывается ложью: яростное неприятие или его «снятие» в «высшей» истине. Пользуясь психоаналитическим языком, их различие — это различие между отвержением [*Verwerfung*] и символическим пресуществлением.

Но вскоре все становится гораздо сложнее. Относительно двусмысленного отношения у Фрейда и Лакана между *Ausstossung* (выталкиванием Реального, которое лежит в основе возникновения символического порядка) и *Verwerfung* («отвержением» или «исторжением» означающего из символического в Реальное) — иногда они отождествляются, иногда между ними проводится различие — Франсуа Бальме делает следующее уместное замечание:

Если *Ausstossung* — это то, что мы о нем говорим, тогда оно решительным образом отличается от *Verwerfung*: вовсе не будучи механизмом, присущим психозу, оно было бы открытием поля Другого как такового. В каком-то смысле оно было бы отвержением символического, но само служило бы символизацией. Речь здесь идет не о психозе и галлюцинации, но о самом субъекте. В клиническом смысле это согласуется с тем фактом, что отвержение не мешает психотику и дальше пользоваться языком¹.

Этот вывод вытекает из ряда очень точных вопросов. Психотики действительно могут говорить, и в каком-то смысле они «живут» в языке: «отвержение» означает не их исключение из языка, а исключение/приостановку символической действительности ключевого означающего в их символическом мире — чтобы исключить означающее, нужно уже находиться в означающем порядке. Поскольку, по Фрейду

¹ *Balmès F.* Ce que Lacan dit de l'être. Paris: PUF, 1999. P. 72.